

НОВЫЕ СМЫСЛЫ ВНЕГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ: ДЕЗУРБАНИЗАЦИЯ И ДАУНШФТИНГ

Д. С. ПОПОВ

ДАУНШИФТИНГ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК СПОСОБ КУЛЬТУРНОЙ КОНСЕРВАЦИИ*

Статья посвящена вопросу внегородского существования представителей российской интеллигенции. Роль загородных резиденций изменяется с течением времени, однако постоянно присутствует ситуация «внесистемного» взаимодействия. Такая социальная форма позволяет сохранять и транслировать культурные образцы, временно оказавшиеся неактуальными или вступающие в противоречие с текущей политической и социальной конъюнктурой. Существование подобных механизмов обеспечивает межпоколенческую трансляцию моделей поведения, что приводит к сохранению исторически сформированных моделей существования интеллигенции. Эти модели выступают уже в виде структур. Задачами исследователя становится изучение параметров этих структур и определение ситуаций, в которых они окажутся задействованными и эффективными. Фокус предлагаемой исследовательской работы направлен именно на изучение и экспликацию воспроизводящихся структурных элементов, отдельных культурных моделей существования интеллигенции. Наряду с этим интерес вызывают способы консервации и трансляции этих культурных моделей, действия и ритуалы их актуализирующие.

«Смерть» интеллигенции

С началом фундаментальных трансформаций российского общества в 1990х годах в научном пространстве стали появляться исследования, констатирующие смерть российской интеллигенции. Были детально проработаны

* Статья написана при поддержке РГНФ-РФФИ, 17–33–00065 «Горожане в деревне: дауншифтинг представителей научной и творческой интеллигенции в современной России (социологический анализ)».

идеально-типические конструкции, описывающие российскую интеллигенцию и предложены модели ее ухода с исторической сцены ввиду изменившихся социальных условий и обстоятельств.

В работах Н. Е. Покровского [Покровский 1999], Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина [Гудков, Дубин 1995] большое внимание уделено построению «идеального типа» интеллигенции, определению ее наиболее характерных черт, среди которых — общемировая озабоченность, система сострадания и жертвенности, культ духовного начала как противоположного материальному и т.д. Все это, по мнению исследователей, уходит вместе с интеллигенцией как группой, существовавшей в совершенно особых исторических условиях дореволюционной и постреволюционной, советской России. Примерно в это же время в англоязычной научной литературе появляется [см. Jacoby 1987] и обсуждается идея ухода с исторической сцены западных публичных интеллектуалов [Kellner 1997; Posner 2001; Fuller 2004; Townsley 2006; Drezner 2008; Fleck et al. 2009].

Невозможно спорить с доводами об изменении «жестких» институциональных условий и появлении реальности, радикально отличной от советской и дореволюционной. Вместе с тем, существуют две проблемы, которые также невозможно игнорировать — весьма определенные культурные паттерны, относящиеся к «интеллигентскому дискурсу» и идеальному типу интеллигенции, по-прежнему воспроизводятся и проявляют себя в эмпирических исследованиях [Попов 2006]. С другой стороны, быстрая реставрация многих советских практик, которую мы наблюдаем с середины 2000х, также говорит о том, что поведенческие модели, на время оказавшиеся нежелательными прекрасно сохранились и их трансляция продолжилась десятилетие спустя. Таким образом, стоит говорить о необходимости смене исследовательского фокуса, его смещении с отдельного социального типа или группы к исследованию пространств самоидентификации, их социокультурных параметров.

Трансляция культурных моделей

Российская интеллигенция стала особым социокультурным феноменом, поэтому мы видим важность исследования интеллигенции в социально-исторической логике, с учетом событий российской истории последних столетий. Ключевую роль здесь играют изменения исторического контекста и его влияние смысловые сдвиги в понимании интеллигенции, ее роли, задач, характеристик.

В современных условиях интеллигенция все в большей степени превращается в чисто условную группу, границы которой определяются, прежде всего, ее рефлексивностью. Поскольку по формальным признакам в структуре общества эту группу зачастую выявить невозможно, то на первый план выходит самосознание интеллигенции, а именно ее самовосприятие, саморефлексия и самоидентификация. В конечном счете они и становятся группообразующими признаками. То есть, с одной стороны, она присутствует в жизни общества

в виде культурных феноменов, нравственных императивов (пусть и реминисцентных), артефактов. Но с другой стороны, интеллигенция не совпадает ни с одной реальной профессиональной или иной группой.

Однако, было бы неправильным на основании вышесказанного делать вывод о малозначимости интеллигентской парадигмы (образца сознания). Напротив, в современном обществе виртуальные структуры во многом приравниваются по силе своего воздействия к структурам материализованным. Реконструкция интеллигентского сознания, «игра в интеллигенцию» имеют немалые перспективы.

В ходе исследовательской работы нами были сконструированы траектории трансформации самосознания представителей интеллигенции в постсоветский период [Попов 2006]. Итогом исследования явилось построение нескольких «идеальных типов» российской интеллигенции, отличающихся специфическими особенностями в самосознании. Для построения этих траекторий использовались автобиографические интервью.

Первый из этих идеальных типов выявляет группу, близкую по своему самосознанию и самоопределению к дореволюционной российской интеллигенции. Представителей этой группы отличает ориентация на ценности идеализированной высокодуховной «старой интеллигенции», которая является для них референтной группой. Они способны сформулировать для себя и использовать особый моральный кодекс чести, систему гуманистических ценностей, которым, по их мнению, следует служить. Их отличает рефлексия по поводу своего культурного и духовного существования.

Второй идеальный тип описывает советскую интеллигенцию. Представители этой группы тяжело переживают распад СССР и слом советской системы. Их отличают коллективистские ценности и неприятие индивидуализма, относительная замкнутость, закрытость к внешней рыночной среде, боязнь изменений. Для них характерна идеализация советского прошлого и советской культуры, которую они стремятся транслировать.

Наконец, третий идеальный тип описывает новую группу либеральной интеллигенции, ориентированной на рыночную конкуренцию, право самостоятельного выбора жизненной траектории. В своих потребительских запросах они ориентируются на Запад и соответствующие нормы трудовой достижительской мотивации.

Для нашей текущей работы важны скорее не детали, составляющие тот или иной «идеальный тип» российской интеллигенции, сколько факт существования и трансляции этих типов в современной культуре. Существующие типы самосознания в среде интеллигенции и интеллектуалов требуют серьезного изучения и экспликации.

Новая социология интеллигенции и интеллектуалов

В социологии XX века интеллигенция в основном рассматривалась как коллективный актер, «свободно парящий» [Манхейм 1993] и производящий

идеологии [Грамши 1959], действующий в собственной логике «нового класса» [Gouldner 1979]. В этом ракурсе интеллигенция и интеллектуалы рассматриваются как особые социальные типы, а одним из основных содержательных вопросов становится вопрос о том, свои ли собственные или чьи-то внешние (буржуазии, элитных групп) интересы они отстаивают или «обслуживают». Такой теоретический ракурс широко используется при описании общества модерна, рассуждения о судьбе коллективного актора, «смерти» интеллигенции либо публичных интеллектуалов выглядят здесь логичными и уместными. Однако происходящие в (пост)современном мире изменения заставляют по-новому взглянуть на то, что традиционно именуется социологией интеллигенции и интеллектуалов.

Гипотезы, предлагаемые современной социологической теорией, указывают на «разжижение» жесткой институциональной структуры [Бауман 2008], формирование «виртуальных» институциональных пространств [Иванов 2000] и изменчивости и мобильности как ключевых характеристик нового состояния [Урри 2012]. Линейные процессы модернизации, движение от простого к сложному, от технологически отсталого к продвинутому сочетаются с усилением нелинейности, возвратности, движением вспять, а также симбиозом этих разнонаправленных векторов [Нефедова и др. 2015]. В этой ситуации даже в состоянии смерти старых жестких институтов появляются достаточно пространства для воспроизводства и трансляции культурных моделей групп интеллигенции, которые, по всей видимости, наряду с другими ранее жесткими структурными сущностями, обретают характеристики виртуальности и текучести.

В этих условиях новый подход к изучению интеллигенции и интеллектуалов может быть обозначен как изучение «интервенций», реализуемых в рамках специфических интеллектуальных полей и рынков [Eyal, Buchholz 2010]. Фокус исследований смещается с интеллектуалов и интеллигенции как особых социальных типов к специфическим структурным условиям, в рамках которых реализуется деятельность («интервенции») различных конкурирующих акторов.

Г. Эйал применяет такой подход для объяснения формирования элит в социалистической Чехословакии. Он с опорой на подход П. Бурдьё [Бурдьё 2005, Bourdieu 1984] определяет несколько структурных полей, которые описывает как дискурсивные стратегии — диссидентство, внутренняя эмиграция, реформаторский коммунизм и кооперация [Eyal 2000, 2003]. Эти стратегии связаны с различными социальными позициями в позднесоциалистическом чехословацком обществе, в рамках каждой из них роль интеллектуалов, их способ участия в общественных процессах отличается. Таким образом происходит своего рода «деперсонализация» интеллектуалов, внимание исследователя переносится с социального типа на структурные условия, в которых происходит столкновение сразу нескольких акторов и их борьба за символический престиж.

К. Шарль рассматривает модели участия интеллектуалов в нескольких европейских странах в конце XIX века [Charle 2009]. Особое внимание он уделяет интеллектуальному обмену и взаимодействию на международном

уровне, включающем, в том числе, французских интеллектуалов из среды дрейфусаров и российскую интеллигенцию. С точки зрения К. Шарля, подходы интеллектуалов и интеллигенции к решению социальных и политических вопросов отражают не только локальные тенденции в национальных государствах, но формируются посредством культурной циркуляции и обмена. По сути речь идет о сосуществовании различных интеллектуальных традиций, взаимовлияющих друг на друга и в тех или иных условиях оказывающихся востребованными и актуализированными.

Аналогичным образом можно рассматривать не только кросс-культурные, но и внутрикультурные взаимодействия. Интеллигентские парадигмы, самосознание и самоопределение интеллигенции рассматриваются в качестве особых социальных структур, актуализирующихся в определенных социально-исторических контекстах и задающие логику деятельности конкретных социальных акторов. При таком ракурсе оказывается важным наличие различных эмпирически фиксируемых «идеальных типов» интеллигенции, которые, однако, выступают уже в виде структур. Задачами исследователя становится изучение параметров этих типов и определение ситуаций, в которых эти структуры окажутся задействованными и эффективными. Фокус исследовательской работы направлен именно на изучение и экспликацию воспроизводящихся структурных элементов, отдельных культурных моделей существования интеллигенции. Наряду с этим интерес вызывают способы консервации и трансляции этих культурных моделей, действия и ритуалы их актуализирующие.

Таким образом, основные изменения в классической социологии интеллигенции и интеллектуалов могут быть связаны с несколькими содержательными моментами. Во-первых, это перенос внимания с групп интеллигенции как акторов на локальные культурные пространства, в которых эти группы присутствуют и действуют. Во-вторых, в условиях российской культуры такие пространства могут быть актуальными и представлять собой поле социальной борьбы, либо «свернутыми», «заархивированными», но сохраненными и транслирующимися для использования в пригодных социально-исторических условиях. Наконец, в-третьих, происходит отказ от понимания интеллигенции как гомогенной группы, выполняющей общую глобальную функцию, речь идет о локальных включениях, «интервенциях» групп интеллигенции со своими культурными предустановками. Значимым здесь становится исследование зон возможных интервенций и последствий такого рода воздействий.

Внегородские формы существования интеллигенции и их историческая трансформация

Особым пространством «культурной консервации» интеллигентских парадигм в российском обществе исторически стали места внегородского проживания представителей интеллектуальных профессий. Таковыми были

и дореволюционные дачи, и советские дачные поселки, объединяющие людей близких профессий.

Сегодня такой точкой интеграции становятся так называемые «дальние дачи», место изолированного проживания групп интеллигенции. Как правило, эти дачи расположены вдали от крупных городов, они позволяют городским интеллигентам-дауншифтерам чувствовать себя в пространстве социальной и институциональной разряженности. Дальние дачи обычно принадлежат москвичам или петербуржцам и расположены в 300–700 км от столиц. Дачники в таких местах – особый тип горожан старшего и среднего возраста, среднего достатка и таких интеллектуальных занятий, которые позволяют им проводить на дачах немало времени. Они ощущают себя своеобразной диаспорой, общаются друг с другом, с местными жителями, так как в разреженном социальном пространстве оба сообщества взаимозависимы [Нефедова, Покровский, Трейвиш 2015].

Дачи исторически связаны с существованием и образом жизни российской интеллигенции. Они стали своего рода «социальным брендом» России, однако интерес к ним как культурному феномену в российской литературе весьма умеренный [Struyk, Angelici 1996; Трейвиш 2014]. Летние дачи, дачная миграция и возникшая на этой основе российская дачная интеллигентская культура уникальны. Нигде в мире и никогда в истории дачные анклавов не имели такого распространения и не образовывали самостоятельного культурного и экономического уклада. Характерно, что интеллигентские дачи в России отнюдь не походили на западные коттеджи (летние дома), как правило, дистанцированные от внешнего мира и не включенные в среду интеллектуального общения. Напротив, российская интеллигентская дача изначально подразумевала соседство с дачами подобного рода [Нефедова, Покровский, Трейвиш 2016]. В итоге происходит возникновение сетевой структуры, поддерживавших постоянную внутрисетевую коммуникацию, включавшую совместные походы «на природу», дискуссии за накрытым столом о смысле жизни и «путях России», любительские спектакли и другие интеллектуальные развлечения. Иными словами, интенсивная культурная жизнь в городе в зимнее время и межсезонье перетекала во внегородскую среду природы дач.

Историческое существование и изменение дач словно сопутствует соответствующим изменениям в группах интеллигенции. Российский капиталистический город конца XIX в. и, прежде всего, обе российские столицы вызвали неприятие интеллигенции. Город являл собой «царство несвободы», зарегулированное имперской бюрократией, политическим сыском и давлением на личность, в том числе и экономических институтов. В противовес этому дачная жизнь на природе и в окружении интеллектуально близких, почти родственных душ создавала необходимое раскрепощение как предпосылку творческого процесса и самораскрытия личности. Таким образом, тренд дезурбанизации изначально содержался в наборе ценностей российской интеллигенции, он же остался, по большому счету, определяющим в формировании летней дачной миграции до наших дней.

После октября 1917 г., несмотря на слом социальной структуры российского общества и аннигиляцию культурных традиций прошлого, дачи как социальный институт и сопровождавшие его культурные паттерны не только не ушли, но в известной мере укрепились [Нефедова, Покровский, Трейвиш, 2016]. В литературе встречается и другая точка зрения, которая состоит в том, что основной движущей силой для дачников в советское время было желание почувствовать себя частным домовладельцем в условиях государственного ограничения прав собственности [Vysokovskii 1993]. Дачная миграция в летний сезон приобрела многослойный социальный характер (госдачи партийно-государственной номенклатуры, дачи «народной трудовой» интеллигенции, дачи среднего и мелкого служивого люда, садово-огородные товарищества заводов и др.). При этом советская интеллигенция словно «приросла» к дачной миграции еще больше, чем интеллигенция изначальная, дореволюционная.

В советской России главным стимулом расширения дач, помимо рекреационно-экологического, был продовольственный. С начала 1990х годов большинство ограничений относительно размеров и конструкции дачных домов были сняты, и владельцы дач получили возможность покупать и продавать свою дачную недвижимость, с 1993 года стала возможной приватизация, оформление прав собственности на советские дачи. В постсоветское добавилась инвестиционный стимул [Трейвиш 2015; Нефедова 2015]. С отменой советских ограничений в области недвижимости важной при строительстве дач становится идея, образ дома, который теперь выходит из пространства государственного регулирования и превращается в способ самореализации и самоопределения собственника. В этой ситуации вокруг мегаполисов появляются многочисленные коттеджные поселки со своеобразной архитектурой, ориентированной скорее на демонстрацию социального успеха, чем на удобство эксплуатации. Скромные советские деревянные дачи сменяются многоэтажными каменными особняками. При этом для части интеллигенции привлекательными становятся старые деревенские дома на удаленных от городов территориях. С одной стороны, эти зоны «дальних дач» позволяют дистанцироваться от массовой культуры и стандартов потребления, обозначить собственные ценности через реконструкцию и ревитализацию старых домов, с другой стороны, в этом социально разряженном возникает возможность создать особые сетевые сообщества интеллигенции, становящиеся средой для рефлексии и консервации интеллигентских парадигм. Этот фактор делает такие сообщества привлекательными для социологического изучения.

Внегородские сообщества интеллигенции, гипотезы и параметры исследовательской модели

Н. Е. Покровский показал, что культурной пространство и способ существования дореволюционной интеллигенции оказался воспринят интеллигенцией советской [Покровский 1999]. Рефлексивный «мир интеллигенции» оказывается важной структурной частью, влияющей на деятельность и образ

мышления представителей советской интеллигенции. С уходом дореволюционной интеллигенции как группы и сменой исторических условий сформированное культурное пространство не исчезает и транслируется, оказываясь востребованным вплоть до сегодняшнего момента [Попов 2006]. Спустя десятилетия после ухода советской системы по-прежнему значимы установки советской интеллигенции, которые воспроизводятся сегодня в соответствующих практиках. Все это свидетельствует об устойчивости исторически сформированных интеллигентских парадигм, которые в мире текучей современности могут быть актуализированы и востребованы при определенных социально-исторических обстоятельствах. При этом они существуют как своего рода «культурные архивы», транслируемые и поддерживаемые представителями интеллектуальных сообществ. Способы подобной «архивации» сами по себе являются интересной исследовательской проблемой. Одним из таких способов, по всей видимости, становится формирование распределенных сетей интеллигенции, постоянный или временный дауншифтинг, уход из города и из потока текущих общественно-политических событий.

Именно условия удаленных сельских поселений оказываются особенно привлекательными для представителей интеллигенции. Это пространство социальной и институциональной разряженности, отсутствие инфраструктуры и низкая социальная плотность, «замедление» времени позволяют ощутить снижение внешнего социального контроля, усиливает рефлексивность и процессы укрепления культурной идентичности. Такого рода «городские» сообщества сформированы по экстерриториальным принципам, и ввиду территориальной разобщенности основная коммуникация происходит в формате сетевых структур.

Мы хотели бы выделить два содержательных направления для исследования этой реальности новых сетевых сообществ интеллигенции. Первое направление ориентировано на понимание и реконструкцию самосознания, структурных интегрирующих ориентиров групп интеллигенции, проверку гипотезы о существовании «архивных» культурных дискурсов, которые могут быть актуализированы в определенные исторические моменты. Контуры этих социальных пространств заложены городской культурой интеллигенции, привносятся из городской реальности. Однако контрастно практике послевоенных лет эти новые переселенцы стремятся к сохранению деревенских домов, музеефикации уходящей деревенской культуры. На наш взгляд, эти процессы становятся своего рода сопутствующими индикаторами основного процесса сохранения и трансляции основных культурных ориентиров.

Второе возможное направление связано с исследованием разрывов, происходящих между доминирующими дискурсивными пространствами и пространствами «дауншифтеров». Наличие разрывов, по всей видимости, может быть проанализировано и с точки зрения воздействия на местную социальную среду, зачастую в прямом смысле — умиряющую. В этих процессах «умирания» сельских сообществ вовлеченные в процессы дауншифтинга группы интеллигенции могут видеть основу для ухода от институционального контроля,

и стратегия их действий в этой ситуации может заключаться в сопротивлении локальному развитию, приходу корпораций и бизнеса.

Если в классической социологии интеллигенции речь идет о разрыве между интеллектуалами и «властью», то в данном случае «власть» становится лишь одним из участников культурного процесса, при этом участником внутренне неоднородным и зачастую противоречивым. Исторический процесс в данном случае рассматривается как процесс конкуренции культурных парадигм и ориентиров, часть из которых продуцируют или сохраняют группы интеллигенции, в том числе оказавшиеся, возможно, временно, вне основного потока событий. Понимание упомянутых разрывов позволяет определить условия актуализации интеллигентских дискурсов и моделей поведения.

Список источников

Бауман З. Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2005.

Граммши А. Тюремные тетради. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 3. — М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Интеллигенция. Заметки о литературно-политических аллюзиях. — М.: «ЭПИцентр», Харьков: «Фолио», 1995 г.

Иванов Д. В. Виртуализация общества. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000.

Манхейм К. Проблема интеллигенции. Исследование ее роли в прошлом и настоящем. Часть II. — М., 1993.

Мартыянов В. (2009) Постсоветская Россия. Социально-теоретические размышления // История и теория интеллигенции и интеллектуалов. / Под ред. В. Куренного. — М.: «Наследие Евразии», 2009. С. 72–95.

Нефедова Т. Г. Дачи в России: полимасштабное исследование // Демоскоп-Weekly. 2015. № 657–658 (5–18 октября). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0657/demoscope657.pdf> (дата обращения 11.11.2017).

Нефедова Т. Г., Николаева У. Г., Покровский Н. Е. Интеллигенция в пространстве внегородской России. // СОЦИС. 2016. № 12. С. 52–61.

Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // СОЦИС, 2015, № 12. С. 60–69.

Покровский Н. Е. Прощай, интеллигенция! // На перепутье (Новые «Вехи»). — М.: «Логос», 1999.

Попов Д. С. Самосознание российской интеллигенции: траектории трансформации // Мир России. 2006. Т. 15. № 4. С. 54–81.

Трейвиш А. И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Сер. География. 2014. № 4. С. 22–32.

Трейвиш А. И. Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение // Демоскоп Weekly. 2015. № 655–656 (21 сентября – 4 октября). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/demoscope655.pdf> (дата обращения 11.11.2017).

Урри Дж. Мобильности. – М.: Издательская группа «Праксис», 2012.

Bourdieu P. Homo Academicus. – Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1984.

Charle C. Les intellectuels en Europe dans la seconde moitié du XIXe siècle, essai de comparaison. // Sapiro G, ed. 2009c. L'espace intellectuel en Europe – De la formation des Etats-nations à la mondialisation-19ème-20ème siècle. Paris: La Découverte, 2009.

Eyal G. Anti-politics and the spirit of capitalism: dissidents, monetarists, and the Czech transition to capitalism. // Theory and Society. 2000. Vol.29. No 1. Pp. 49–92.

Eyal G. The Origins of Postcommunist Elites: From the Prague Spring to the Breakup of Czechoslovakia. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003.

Eyal G., Buchholz L. From the Sociology of Intellectuals to the Sociology. // The Annual Review of Sociology. 2010. No 36. Pp. 117–37.

Fleck C., Hess A., Stina L. E. (eds.) Intellectuals and their Publics: Perspectives from the Social Sciences. – Aldershot, Hampshire, UK: Ashgate, 2009.

Fuller S. Intellectuals: an endangered species in the 21st century? // Economy and Society. 2004. No 33. Pp. 463–83.

Gouldner A. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class: A Frame of Reference Theses, Conjectures, Arguments, and an Historical Perspective on the Role of Intellectuals and Intelligentsia in the International Class Contest of the Modern Era. – New York: Seabury Press. 1979.

Jacoby R. The Last Intellectuals. – New York: Basic Books, 1987.

Kellner D. Intellectuals, the new public spheres, and techno-politics. // New Political Science. 1997. No 41–42. Pp. 169–188.

Posner R. Public Intellectuals: A Study in Decline. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.

Raymond J., Angelici S., Angelici K. The Russian Dacha Phenomenon // Housing Studies. 1996. Vol. 11, No. 2, Pp. 233–250.

Townsley E. The public intellectual trope. // The United States. American Sociologist. 2006. No 37. Pp. 39–66.

Vysokovskii, A. Will domesticity return? // Wm. C. Brumfield, B.A. Ruble (eds.) Russian Housing in the Modern Age, Design and Social History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 271–308.